

© 2007 г. Л. В. КАЛИНИНА

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ ПРИМЕТАХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ РАЗРЯДОВ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В статье рассматриваются словоизменительный, синтаксический, словообразовательный и семантический критерии выделения лексико-грамматических разрядов существительных: имен конкретных, вещественных, собирательных, абстрактных. Показывается, что в современном русском языке грамматические приметы существительных данных разрядов часто не соответствуют приписываемым им грамматическим характеристикам. В качестве основного критерия распределения существительных по лексико-грамматическим разрядам рассматривается семантический. Особый акцент делается на когнитивно-прагматическом подходе к систематизации существительных указанных разрядов.

В русском языке выделяются четыре лексико-грамматических разряда существительных: имена конкретные (*книга, заяц, дом*), вещественные (*соль, молоко, железо*), собирательные (*ребятня, листва, мебель*) и абстрактные (*гордость, ложь, страх*). Если само наличие данных разрядов сомнений не вызывает, то вопрос о критериях их выделения, о лексико-грамматических признаках слов, входящих в эти разряды, остается до сих пор нерешенным до конца.

Цель настоящей статьи – представить существующие в литературе предмета подходы к принципам выделения лексико-грамматических разрядов существительных и рассмотреть данные разряды с когнитивно-прагматических позиций.

Когнитивно-прагматический анализ предполагает установление связи между единицами языка и объектами реальной действительности в их восприятии человеком: какие свойства объектов окружающего мира кажутся человеку наиболее значимыми; как, исходя из этих свойств, человек может использовать эти объекты для своих целей и потребностей; как представления человека об объектах действительности отражаются в языке. Известно, что «именно человеческим фактором, то есть отношением человека к какому-либо предмету или явлению мира на определенной ступени овладения этим миром и объясняется не только последующий выбор наименования для него, но и способ его описания, отображающий практическое использование соответствующего объекта» [Колшанский 1990: 32].

Когнитивно-прагматический подход не исключает строгих грамматических (морфологических и синтаксических) оснований для классификации существительных по разрядам. Как подчеркивал Э. Бенвенист, «языковая форма является... не только условием передачи мысли, но прежде всего условием ее реализации. Мы постигаем мысль уже оформленной языковыми рамками» [Бенвенист 1974: 105]. Проследим, каким образом обнаруживается взаимосвязь содержания и формы, семантики и грамматики в сфере лексико-грамматических разрядов имен существительных.

Под лексико-грамматическими разрядами мы вслед за А.В. Бондарко понимаем «грамматически значимые группировки слов в рамках данной части речи (т.е. подклассы той или иной части речи)... которые... обладают общим семантическим признаком... могут, но не должны обязательно характеризоваться общим морфемным показателем... взаимодействуют с морфологическими категориями, связанными с ними семантически» [Бондарко 1976: 156–157]. Значит, лексико-грамматическая принадлежность

существительного устанавливается по совокупности таких критериев, как семантический, словообразовательный, морфологический (словоизменительный). Авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» указывают в числе критериев разграничения лексико-грамматических разрядов частей речи еще и синтаксический, ср. [Золотова и др. 1998: 40]. Рассмотрим роль каждого из этих критериев в лексико-грамматической классификации субстантивных имен.

Традиционно наиболее строгим признается **морфологический критерий**. Предлагается обращать внимание на словоизменение существительных, в частности на их числовую парадигму. Считается, что полной парадигмой форм единственного и множественного числа обладают лишь конкретные существительные (ср.: *стол, стола, столу, стол, столом, о столе – столы, столов, столам, столы, столами, о столах*). Существительные же абстрактные, вещественные и собирательные употребляются, как правило, только в единственном числе и имеют анумеральную семантику, образуя все вместе разряд *singularia tantum*. Формы множественного числа от таких существительных допускаются лишь в редких случаях и специально оговариваются как стилистически маркированные (публицистические, поэтические, профессиональные, разговорные и пр.). В.В. Виноградов писал, что существительные *singularia tantum* – это разряд слов, «обнаруживающих только формы единственного числа и вовсе не относимых ко множественному, так как они не соединяются с представлением о счете» [Виноградов 1938: 97]. Ср. такой же подход в [Грамматика русского языка 1953; Гвоздев 1958; Русская грамматика 1980; Камынина 1999; Рахманова, Суздальцева 2003; Современный русский литературный язык 2003; Современный русский язык 2003; Современный русский язык 2004]. Таким образом, с морфологической точки зрения конкретные существительные, казалось бы, четко противопоставляются трем остальным разрядам (абстрактным, вещественным и собирательным существительным).

Но, во-первых, опора лишь на словоизменение не позволяет провести более детального противопоставления: не только конкретных существительных всем остальным, но и абстрактных, вещественных, собирательных между собой. Во-вторых, в современном русском языке во всех стилях и жанрах все более активно употребляются формы множественного числа от существительных анумеральной семантики (особенно от абстрактных). Их семантика и функционирование описываются в научной и профессиональной речи [Граудина 1980; Даниленко 1977; Комарова 1988], в языке публицистики [Граудина 1980; Сергеев 1996], в художественных текстах [Бондаренко 1991; Винокур 1991], в разговорном дискурсе [Красильникова 1990]. Факт широкой, не зависящей от стилистической принадлежности текста употребительности форм множественного числа неконкретных существительных подтверждают и наши наблюдения [Калинина 1999; 2001а; 2005]. Ср., например, тексты СМИ и рекламы: *Спасибо за лестности в наш адрес* (Московский комсомолец. 18–25.01.2001); *В продаже обувь больших полнот* (телереклама обувного магазина, Киров, апрель–май 2005); *Эта линия выводит страну в разряд растущих экономик* (Литературная газета. 24.05.1995); *Какие риски ожидают тех, кто приобретает квартиры в новостройках?* (Комсомольская правда, 21.06.2005); – *Она [Людмила Путина. – Л.К.] хотела сюда [в Китай. – Л.К.] приехать, но испугалась жары... – А другие президенты были с женами? – Да. Но я им объяснил про жару. Вообще она у меня не любит всяких официозов* (Комсомольская правда, 17.06.2006, интервью В.В. Путина); *В отдельных районах области гололёды* (прогноз погоды на КГТРК «Вятка». Эфир от 26.02.2004); *«Гарньер Фруктис Стайл» с микровосками фруктов* (телереклама на 1-м канале. Эфир от 30.01.2006).

Такого же рода картину наблюдаем в художественной речи, в научном стиле, в разговорном дискурсе. Ср. соответственно:

а) *Как Россия подзастряла – ни туды и ни сюды. Вместо стройматериала – лишь стыды, стыды, стыды* (Е. Евтушенко. Стыды); *Одежду в корыто бросил, кипятки толстые пустил* (В. Попов. Не спать, не спать...); *Сколько трудных любовей в России!* (Ю. Ряшенцев. Утешение по поводу грустного свидания); *Наука заросла средневе-*

ковыми *ахинейми*: граб порождает дуб, ель порождает сосну, пиеница превращается в рожь (Д. Гранин, Зубр);

б) Массовая коммуникация... широко отражает сложные формы речевого общения и взаимодействия и структурные *своеобразия* того общества, в котором она осуществляется (В.В. Виноградов. Задачи стилистики); В экзистенциализме все *жуткости* человеческого существования предстанут как *очевидности* (из лекции по философии Е.Ф. Владыкиной. 10.05.1995);

в) Подвесили бы *свинцы* к ногам / чтобы Вы не воспаривали //; У меня там *целлофан*ы лежали //; Все ваши *нерешительности* мне надоели //; Ой / какие *чуши* попадают у нее //; Опять всяких *вкуснот* нанесут // (примеры взяты из работы [Красильникова 1990: 69]).

В речи, как видим, реализуются потенциальные возможности существительных *singularia tantum*, на вероятность чего указывал в свое время А.А. Зализняк. Ср.: «В человеческой практике обычно не возникает потребности в обозначении нескольких объектов, называемых по отдельности “лай”, или “гордость”, или “медь” и т.п. Однако, если такая потребность все же возникает (а это в принципе всегда возможно), то недостающие словоформы со значением и внешними признаками множественного числа без труда будут построены: лаи, гордости, меди и т.п. Иначе говоря, *singularia tantum* – это слова с потенциально полной парадигмой, из которой нормально употребляется лишь половина форм» [Зализняк 1967: 57–58]. Ср. также языковые факты, представленные в работах: [Брусенская 1987; 1994; Валгина 2001: 225–226; Граудина 1980: 175, 179; Калинина 1999; Озерова 1987; Яцкевич 1981]. Факты, приводимые в данных исследованиях, подтверждают вывод Л.А. Брусенской о том, что «традиционно формулируемое правило об отсутствии у существительных неконкретной семантики форм множественного числа представляет собой анахронизм» [Брусенская 1994: 19].

Можно, стало быть, утверждать, что словоизменение существительных (их числовая парадигма) в настоящее время уже не может быть основным критерием при отнесении их к тому или иному лексико-грамматическому разряду.

Достаточно четким основанием для различения лексико-грамматической принадлежности слов признается также **синтаксический критерий**. Ср.: «Более всего различия в значениях групп или разрядов слов в пределах каждой части речи проявляются в их синтаксическом функционировании» [Золотова и др. 1998: 40]. Ср. также [Арутюнова 1999: 1–7; Золотова 1982; Кадькалов 1966; Лукин 1990: 10; Мирошникова 2004; Потебня 1958: 98; Чернейко 1997: 250 и др.].

Наиболее заметна разница в синтаксическом функционировании абстрактных и конкретных имен. Так, Н.Д. Арутюнова, рассматривая логико-коммуникативные функции слов и сопоставляя их с синтаксическими функциями, отмечает, что конкретные существительные относятся к так называемой идентифицирующей (предметной) лексике и выступают обычно в функции подлежащего (логического субъекта), а абстрактные существительные принадлежат к предикатной (признаковой, характеризующей) лексике и выступают, как правило, в функции сказуемого (логического предиката). Ср. [Арутюнова 1999: 5–7]. На эту закономерность обращает внимание и В.А. Лукин. Ср.: «Если слово употребляется в функции субъекта предложения, то оно менее абстрактно; более абстрактно то, которое употребляется в функции предиката» [Лукин 1990: 10].

Эти наблюдения согласуются также с мнением авторов «Коммуникативной грамматики русского языка», которые считают, что абстрактные существительные, обозначающие отвлеченные качества, действия, состояния, не могут выступать в роли подлежащего, если словоформу, занимающую позицию подлежащего, рассматривать как активного производителя реального действия. Ср.: «Ни действие, ни качество не могут совершать действие, это привилегия только живого существа» [Золотова и др. 1998: 41]. В этом смысле, отмечается далее в «Коммуникативной грамматике», не совсем корректно употреблять термин «подлежащее» по отношению к абстрактному существительному *езда* в предложении *Быстрая езда успокоила его* (Л. Толстой), так как это

«подлежащее» отличается от главного члена в предложении типа *Она увидела его*. Ср. [Золотова и др. 1998: 41].

В типичных случаях синтаксический анализ высказывания позволяет отличить конкретное существительное от абстрактного. Однако, как уже отмечалось, в современной речи активно употребляются абстрактные существительные множественного числа. При этом в семантике абстрактного имени происходят определенные изменения, связанные с конкретизацией его значения, и мы сталкиваемся со случаями семантической переходности, когда абстрактное содержание выражается с помощью формы, характерной для конкретных имен. Можно с уверенностью констатировать, что абстрактные существительные множественного числа свободно употребляются в синтаксических позициях дополнения и подлежащего. Ср., например: *Пробиваясь сквозь все волокиты, ненависти, канцелярищины, тупости – ставлю второй вариант мистерии* (В. Маяковский. Я сам); *Местные элиты в шоке* (Сегодня. 7.10.1993); *Фашизмы обречены всегда проигрывать войны* (Литературная газета. 4.10.1995).

Нами изучены особенности функционирования в разных синтаксических позициях абстрактных, вещественных и собирательных существительных. По нашим наблюдениям, синтаксическое употребление абстрактных существительных множественного числа практически не отличается от функционирования в предложении конкретных имен: основными синтаксическими позициями дополнения (57% случаев) и подлежащего (22%). В функции сказуемого, свойственной предикатной лексике, абстрактные существительные множественного числа представлены крайне немногочисленными примерами (2%). В роли обстоятельства и определения абстрактные существительные множественного числа употребляются соответственно в 11% и 8% случаев. Отметим также, что похожее синтаксическое поведение характерно и для других аnumerальных существительных множественного числа (вещественных, собирательных). Ср.: *Эта шаль пропахла многими табаками и духами* (Б. Пильняк. Человеческий ветер); *...обвиняли председателя, что эти асфальты, которые он кладет, через три года разваливаются* (А. Курчаткин. Газификация); *Я не коснулся его поэтики, вернее, многих поэтик, ибо Мандельштам чуть ли не единственный поэт, который в движении своего поэтического времени менялся до неузнаваемости* (Ю. Нагибин. Голгофа Мандельштама); *Мелкие гнусы большой политики* (Окна. № 24. 2005). Подробнее об этом см. [Калинина 2006].

Анализ конкретного языкового материала позволяет сделать вывод о том, что синтаксический критерий не может служить надежной основой для распределения существительных по лексико-грамматическим разрядам.

В качестве вспомогательного можно было бы использовать **словообразовательный критерий**, то есть морфемные показатели существительных, те суффиксы, которые считаются специфическими приметами существительных разных разрядов. О различии словообразовательных типов существительных ср., например [Алексеева 1977; Безрукова 1990; Гаглыева 1993; Земская 1992 и др.]. Но и этот критерий не может рассматриваться как достаточно надежный из-за широкой омонимии суффиксов существительных. Ср.: *крестьян-ств-о* (собр.) и *благород-ств-о* (абстр.); *стир-к-а* (абстр.) и *фигур-к-а* (конкр.); *гон-ец* (конкр.) и *холод-ец* (веществ.); *тиш-ин-а* (абстр.), *свин-ин-а* (веществ.), *льд-ин-а* (конкр.), *скот-ин-а* (собр.).

Таким образом, несмотря на эксплицитный характер выражения, ни словоизменительный, ни синтаксический, ни словообразовательный критерии не позволяют четко разграничить лексико-грамматические разряды существительных.

Обратимся к **семантике** субстантивных имен. Семантика слова – это то, что выражается скрыто, имплицитно, но в итоге определяет и возможности словоизменения, и коммуникативно-синтаксическое функционирование лексемы. В качестве доказательства можно привести факт различной лексико-грамматической принадлежности лексико-семантических вариантов многозначного слова. Ср., например: *Пряно пахли с клумб белые цветы табака* (М. Рошин. Южная ветка); *В кармане нашелся кусок сахара, облепленный табаком* (Ю. Коваль. Вишня); *Эта шаль пропахла многими табаками и духа-*

ми (Б. Пильняк. Человеческий ветер). В первом из этих предложений существительное *табак* выступает в конкретном значении (табак = «цветок, растение»), во втором – в вещественном (табак = «продукт, получаемый из растения»), а в третьем семантика существительного приближается к абстрактной (табак(и) = «запах(и) вещества»). Ср. также: *любовь* «чувство» (абстр.) и *любовь* «объект любви» (конкр.); *старина* «давно минувшее время» (абстр.) и *старина* «антиквариат» (собр.). Показательно, что подобные случаи нашли свое отражение в «Большом толковом словаре русских существительных». Во вступительной статье к данному словарю отмечается: «Если ЛСВ многозначного слова относятся к разным лексико-семантическим группам слов, то каждый ЛСВ семантизируется отдельно в их составе вне соотнесенности значений в семантической структуре слова» [Большой толковый словарь русских существительных 2005: 19].

Как видим, существительные, в основном своем значении относящиеся к одному разряду, в контексте могут употребляться с семантическими и грамматическими признаками другого разряда. Чаще всего семантическая переходность бывает связана с конкретизацией вещественных, абстрактных и отчасти собирательных существительных. Вследствие этого они, преодолевая приписываемую им грамматиками норму (употребление только в единственном числе), приобретают возможность выступать во множественном числе. Ср., например: *Мы не встречались в Латинской Америке с особенно убойными москитами и гнусами* (Комсомольская правда. 20.10.2001) – собирательное в конкретизированном значении «представители гнуса: комары, мошки»; *Одежду (в бане. – Л.К.) в корыто бросил, кипятки толстые пустил, а сам... такой танец в пару устроил, развеселился, распелся* (В. Попов. Не спать, не спать) – то есть «струи кипятка» – вещественное в конкретизированном значении; *В кафелях печей отражались лапчатые тени больших латаний и синева окон* (В. Ходасевич. Брюсов) – то есть «в блестящих стенах печей, покрытых кафелем» – вещественное в конкретизированном значении; *Природа не создает бессмысленностей и бесцельностей, это удел людей* (Ю. Нагибин. Рассказ синего лягушонка) – то есть «бессмысленных и бесцельных предметов или существ», абстрактное в конкретизированном значении; *В его (переводчика И. Введенского. – Л.К.) «Давиде Копперфильде» немало отсебятии и ошибок* (К. Чуковский. Из воспоминаний. Горький) – то есть «мест, содержащих высказывания, которых нет в оригинале произведения» – абстрактное в конкретизированном употреблении; *Бывают у меня и тяжкие похмелья, но и периоды трезвости случаются* (Собеседник. 2001. № 31) – то есть «периоды, в которые я переживаю состояние похмелья» – абстрактное в конкретизированном значении; *Мир трагичен: он представляет собой соперничество различных правд* (Литературная газета. 9. 08.1995) – то есть «точек зрения, каждая из которых по-своему справедлива» – абстрактное в конкретизированном значении.

В рассматриваемых случаях именно семантический сдвиг, изменение значения (вследствие метонимического или, реже, метафорического переноса) влияет на изменение лексико-грамматической характеристики существительного, вследствие чего слова *singulalia tantum* приобретают возможность употребляться во множественном числе, абстрактные существительные используются в качестве подлежащего и т.д. Вот как об этом пишет Л.А. Брусенская: «Наибольшую трудность для описания... представляют многочисленные и разнообразные сдвиги в семантике при образовании форм числа... Характер семантических сдвигов находится в прямом соотношении с принадлежностью существительного к определенному лексико-грамматическому разряду» [Брусенская 1994: 33]. Ср. в связи с этим также [Калинина 2001б; 2001в; 2003; Озерова 1987].

Есть все основания полагать, что именно семантика слова играет наиболее важную роль при отнесении слова к тому или иному лексико-грамматическому разряду. Семантический критерий предполагает наличие переходных и пограничных случаев. Но точно так же не являются строгими, однозначными, абсолютными и все другие рассмотренные критерии (словоизменительный, синтаксический, словообразовательный). При опоре на каждый из них, как это было показано выше, мы находим немало исключений из правил, возможностей различного толкования, несоответствия теории реальному

употреблению слов. Однако надо учитывать, что именно семантический сдвиг вызывает изменения в грамматической форме, в синтаксическом функционировании; именно семантика определяет выбор суффикса с тем или иным значением. Поэтому при равных «стартовых возможностях» семантического, словоизменительного, синтаксического, словообразовательного критериев (то есть при наличии у каждого из них определенных плюсов и минусов) предпочтение следует отдавать именно семантике.

Понять семантические отношения слов – значит понять их системно-иерархические отношения, установить главные и второстепенные направления смыслового взаимодействия, установить смысловую субординацию. Эту задачу ставят перед собой и авторы «Русского семантического словаря». Ср.: «Важной и не решенной до конца проблемой является вопрос о “пересечении классов”. Такие пересечения, безусловно, существуют. В то же время очевидно, что изучению разных видов семантических пересечений обязательно должно предшествовать установление самих лексических классов и их иерархической устроенности» [Русский семантический словарь 1998: XI].

Признавая главным критерием распределения существительных по разрядам семантический, мы должны попытаться найти тот стержень, вокруг которого строятся смысловые отношения существительных. Вряд ли можно признать полностью удовлетворительными традиционно приводимые семантические характеристики существительных: *«конкретные* существительные обозначают предметы, которые существуют в виде отдельных экземпляров или особей... *отвлеченные* (абстрактные) существительные обозначают абстрактные понятия – свойства, качества, а также действия и состояния... *вещественные* существительные обозначают однородные по составу вещества (однородную массу чего-либо), материалы, которые делятся на части, сохраняющие свойства целого... *собирательные* существительные обозначают неопределенное множество предметов или лиц как одно неделимое целое» [Шанский, Тихонов 1981: 102–103]. Такого рода характеристики являются общепринятыми. Однако они нуждаются в уточнении. Для их уточнения целесообразно обратиться к когнитивным категориям.

Совмещение когнитивных и семантических оснований для классификации существительных вполне возможно. Вот как об этом пишет Л.М. Васильев: «При всем их своеобразии когнитивные и семантические категории, равно как и их модели, очень тесно связаны друг с другом, ибо и те и другие имеют концептуальную природу... и поэтому любая речевая (текстовая) реализация языка опирается не только на языковое, но и на неязыковое значение; когнитивные категории как бы включают языковую картину мира в ментальную его картину» [Васильев 2006: 209]. Попытаемся ответить на вопрос о том, на каком когнитивном основании предметный мир в представлении человека делится на объекты конкретные, вещественные, собирательные и абстрактные, которые в языке репрезентируются с помощью соответствующих лексико-грамматических разрядов существительных. Как пишет Дж. Лакофф, «понимание того, как мы осуществляем категоризацию, является необходимым для понимания того, как мы мыслим и как мы действуем, и следовательно, необходимым для понимания того, что делает нас человеческими существами» [Лакофф 2004: 20]. Обратимся к характеристике лексико-грамматических разрядов существительных с обозначенных позиций.

По всей вероятности, расчленение действительности на отдельные предметы, неделимые вещества, совокупные множества и отвлеченные качества наиболее удобно для человеческого мышления, для человеческого видения мира. Ср. суждение Е.С. Кубряковой: «Вместо того, чтобы спрашивать о том, что *з н а ч а т* слова отдельных частей речи, целесообразнее задаваться вопросом о том, на обозначение каких фрагментов мира они направлены и номинацией каких величин, каких сущностей в мире действительном и в мире вымышленном они служат» [Кубрякова 1996: 219–220]. Как подчеркивает Е.В. Рахилина, «для понимания природы этих отношений чрезвычайно существенно, что они не присущи действительности как таковой, а вносятся человеческим разумом» [Рахилина 2000: 36]. Человеку же свойственно прежде всего прагматически-оценочное отношение к действительности, то есть такое, при котором человек исходит из необходимости удовлетворять свои потребности и желания и именно с этой точки зрения оце-

нивает явления и факты действительности. Каким образом для нужд человека может быть использован тот или иной объект, представляет ли он ценность сам по себе или только в комбинации с другими объектами, какие свойства объекта являются наиболее значимыми (опасными, полезными) для человека и т.п. – такого рода вопросы и обнаруживают в человеке прагматика (о чертах, присущих субъекту-прагматику, и о моделях его поведения ср. [Чернова 2001]). С учетом когнитивно-прагматических факторов семантические приметы существительных разных лексико-грамматических разрядов могут быть определенным образом уточнены.

Основную массу существительных составляют **конкретные имена**, то есть слова, именующие отдельные, единичные предметы, экземпляры, особи. Что дает нам анализ такой характеристики, как «отдельность» предмета? Не вызывает сомнений, что под «отдельностью» следует понимать и ограниченность предметов в пространстве и/или времени, и возможность оперировать этими предметами, и возможность воспринимать их всеми органами чувств, и возможность свободно исчислять такие предметы. Все эти признаки «отдельности» являются справедливыми и учитываются при классификации существительных. Но все они отражают лишь внешние приметы объектов действительности и дают лишь самое общее представление о том, каков объект.

На наш взгляд, при установлении лексико-грамматического разряда существительного следует задаваться еще и такими вопросами: *для чего этот объект? Какую роль он играет в жизни человека и/или в мире вообще? Каково предназначение этого объекта с точки зрения человека?* И с этих позиций на «отдельность» конкретного предмета можно взглянуть по-другому: конкретные предметы – это такие, которые *значимы даже в одном (или единственном) экземпляре, значимы каждый по отдельности*. То есть каждый конкретный (отдельный) предмет имеет в представлении человека определенную ценность, определенное предназначение, определенную область применения. В простейшей форме это можно выразить так, как это сделал в известном стихотворении для детей С. Маршак: «Это стул, на нем сидят. Это стол, за ним едят». Именно конкретные существительные представляют в языке когнитивные категории базового уровня, то есть такого уровня, «на котором единичный ментальный образ может отражать целую категорию» [Лакофф 2004: 71].

Свое назначение есть не только у предмета в целом, но и у его части, детали. Например, целый дом нужен для того, чтобы в нем жить. Но и каждая часть дома: фундамент, стены, крыша, крыльцо, окна и т.д. – тоже имеет свое предназначение и выполняет его, даже будучи представленной в одном экземпляре. В одно окно (как и в несколько) можно видеть мир, одна стена (как и три остальные) защищает от ветра и поддерживает крышу и т.п. При желании дом можно разобрать «по кирпичику», и до тех пор, пока мы будем способны определить предназначение *отдельной* детали (оконная рама, дверная ручка, плинтус, гвоздь...), мы и будем иметь дело с *конкретными* предметами. Это положение соответствует выводу ученых-когнитивистов о том, что «наши знания на базовом уровне организуются главным образом по линии разделения *целое – часть*» [Лакофф 2004: 73].

Каждый из конкретных предметов существует не просто так, а *зачем-то*. Вопросы *зачем* и *для чего* являются очень важными в жизни человека, и адресует их человек прежде всего самому себе. Как только человек осознает свою *отдельность и самостоятельность в мире*, он спрашивает себя: *зачем я есть?* Человек – это главный конкретный объект в мире, по крайней мере в собственных глазах. И все другие материальные объекты, которые человек считает значимыми в одном экземпляре, по отдельности, признаются им конкретными и «равновеликими» себе, способными выполнять собственное предназначение. Как пишет Дж. Лакофф, «возможно, наилучший способ обрисовать специфику категорий базового уровня – это сказать, что они «соразмерны с человеком»» [Лакофф 2004: 78]. Ср. в этой связи рассуждения героя Пауло Коэльо: «*Лучше быть готовым к сюрпризам погоды*», – думал Сантьяго с чувством благодарности к куртке за то, что она такая тяжелая и теплая. В общем, как у нее свое предназначение, так у Сантьяго – свое» (П. Коэльо. Алхимик). Примерами таких, зна-

чимых для человека даже в одном экземпляре, конкретных объектов могут служить все без исключения артефакты – предметы, «являющиеся продуктом целенаправленной человеческой деятельности» [Крысин 2005: 89]: дом, стол, автомобиль, тетрадь, бомба, ракета, компьютер и т.д., а также любые их части и детали. Конкретными объектами в этом смысле признаются все животные: сельскохозяйственные, промысловые, домашние, дикие, так как все животные либо как-то используются человеком в его интересах (то есть имеют предназначение, осознаваемое человеком), либо «соразмерны с человеком» как базовые категории окружающего мира. То же самое можно сказать о большей части растений (о тех, которые воспринимаются «поштучно»: дуб, береза, тополь, ромашка, одуванчик и под.).

Объекты, которые представляются человеку такими же отдельными, самостоятельными, индивидуальными, как он сам; имеющими определенную ценность, которая свойственна каждой отдельной особи, каждому отдельному экземпляру, обозначаются в языке конкретными существительными. На языковом уровне категория конкретности поддерживается (но не определяется) такими факторами, как свободное употребление в формах обоих чисел, непосредственная сочетаемость с количественными определителями, преимущественное употребление в синтаксической позиции подлежащего и дополнения, оформление с помощью ряда специфических суффиксов. В случае с конкретными существительными мы обнаруживаем гармоничное соответствие между семантикой «отдельности» и ее грамматическим оформлением.

Именно на базе конкретных имен (названий целостно воспринимаемых отдельных объектов) исторически возникли все остальные разряды существительных. Их появление обусловлено развитием абстрактного мышления. Имена древнего языка были по своей природе синкретичны, выражали представление сразу о множестве свойств и функций объекта (см. об этом [Дегтярев 1982: 40, 57; Пименова 2001; Безман 2001] и др.). По мере развития человеческого мышления из синкретичной семантики древних имен выделились идеи вещественности, собирательности, отвлеченности. Но для чего, зачем в языке появились эти категории, какие отношения они призваны передать?

Вещественные существительные определяют обычно так: «Вещественные существительные лексически обозначают вещества» [Русская грамматика 1980: 462; Камынина 1999: 39], а затем следует подробное перечисление (пищевые продукты, материалы, виды тканей, ископаемые, металлы, химические элементы и т.д.). При использовании такого аморфного определения может возникнуть проблема, сформулированная Е.П. Калечиц. Ср.: «...Расплывчато само понятие “вещество”, обозначение которого и выделяет существительные в разряд вещественных. В самом деле, *молоко* – это вещественное существительное, но ведь *молоко* в житейском понимании – это не вещество, поскольку слово *вещество* скорее воспринимается как книжно-техническое» [Калечиц 1977: 62]. Что же такое «вещество»?

В «Большом толковом словаре русских существительных», структура которого сформирована «на основании антропологического подхода, учитывающего процесс освоения, осознания и ословаривания человеком окружающего мира действительности» [Большой толковый словарь русских существительных 2005: 17], вещество характеризуется следующим образом.

Выделяется особая денотативная сфера под названием «Вещество». В эту большую группу включаются существительные, обозначающие физические и химические свойства, биологическую активность вещества (*антистатик, диэлектрик, электролит*); обозначающие металлы (*алюминий, железо, хром*); металлические сплавы (*бронза, мельхиор, чугун*); кристаллические и порошкообразные вещества (*йод, мука, пудра*); жидкие вещества (*алкоголь, деготь, кипяток*); жировые и маслянистые вещества (*вакса, жир, помада*); затвердевающие вещества, вязкие массы, смеси (*асфальт, пластмасса, эмаль*); обозначающие газы (*водород, озон, фтор*); продукты живой природы (*воск, глюкоза, мочевины*); красящие вещества (*белила, охра, хна*); ядовитые, отравляющие, наркотические вещества (*анаши, героин, никотин*); горючие вещества (*бензин, кокс, нефть*); обозначающие часть вещества (*накипь, осадок, пыль*).

Вещество представлено в словаре и в составе других денотативных сфер и групп: «физиологические жидкости, физиологические вещества, продукты жизнедеятельности организма живого существа» (*кровь, моча, перхоть*); «минералы» (*гипс, глина, мрамор*); «почва» (*грязь, гумус, чернозем*); «атмосферные осадки» (*град, роса, снег*); «травянистые растения со съедобными плодами и листьями» (*картофель, овес, ячмень*); «пищевые продукты» (*ванилин, колбаса, свинина*); «кушанье» (*варенье, каша, суп*); «напиток» (*вино, кефир, шартрез*); «материал» (для изготовления одежды) (*бархат, замша, хлопок*); «корма и удобрения» (*компост, навоз, сено*); «материал, вещество» (на производстве) (*вискоза, древесина, сталь*); «лекарства» (*вазелин, микстура, присыпка*); «строительный материал» (*алебастр, кафель, пакля*).

Как видим, в «Большом толковом словаре русских существительных» денотативная сфера «Вещество» представлена весьма разнообразно. Однако все слова, обозначающие вещество, можно разделить на две основные группы. Первая связана с «книжно-техническим», по словам Е.П. Калечиц, пониманием вещества как исходной материи (твердой, жидкой, газообразной; органической или неорганической и т.п.), из которой состоят (полностью или частично) все конкретные объекты. Вторая группа называет «расходные материалы», «сырье» для поддержания существования конкретных объектов и отчасти – «отходы» их существования. Например, конкретный объект *гора* состоит из *гранита*, который обеспечивает само существование, наличие в мире этой горы. Разрушаясь, гора превращается в гранитную *крошку*, *песок*, *пыль*. Эти «отходы», в свою очередь, могут быть использованы для создания других конкретных объектов (например, для строительства домов, возведения монументов) и т.д. Исходя из этого, попытаемся найти инвариантное, обобщающее определение вещества.

Можно полагать, что вещественные существительные обозначают *то, из чего изначально состоит или создается объект (и его детали) и то, что нужно для дальнейшего продления его бытия, а также отходы его материального существования*. Поскольку, как уже было отмечено, самым важным конкретным объектом является сам человек, то большая часть вещественных существительных называет субстанции, необходимые для обеспечения материального существования человека. Историческое появление категории вещественности, по-видимому, объясняется прагматическим, во многом потребительским взглядом человека на мир. Ср. в связи с этим замечание А.А. Потебни: «Древний... человек смотрел на природу только своекорыстно; ...как детям, природа нравилась ему, насколько была полезна» [Потебня 1999: 67]. Поэтому значительная часть «вещества» – это все то, что может служить материальной основой для обеспечения жизненно важных для человека процессов. Например, для питания нужны продукты и напитки: *мясо, хлеб, горох, картофель, тесто; вода, квас, пиво, чай, молоко*. Для заботы о здоровье нужны лекарства: *микстура, мазь, бальзам, анальгин, дибазол*. Для строительных работ – *глина, песок, гипс, гранит, древесина*. Для производства одежды – *шерсть, шелк, хлопок, лен, бархат*. Для чеканки денег и изготовления украшений – *золото, серебро, медь, платина, мельхиор*. Об этом же пишет А.В. Олянич. Ср.: «Весь материальный мир с точки зрения Человека Потребляющего так или иначе расценивается как объект потребления и утилизации; главной целью рода человеческого по отношению к материальному миру является поиск и изъятие из него вещества, годного к продолжению жизни человеческого организма... Этот глобальный когнитивный посыл связан с базовым стремлением человека к всеобщей утилизации материального мира» [Олянич 2003: 169]. Ю.Е. Перезовова описывает эксперимент, в ходе которого информанты должны были обнаружить свои представления о веществах (водороде, гелии, литии, углероде и других; всего 48 наименований). Эксперимент показал, что «в основе систематизации категории “Простое химическое вещество” обыденными носителями языка лежат как научные знания, в соответствии с которыми все простые вещества делятся на металлы, газы, так и “обыденные” признаки (“Перцепция”, “Ценность”, “Полезность”, “Использование”)... Обыденное сознание является прагматически ориентированным... Именно на основе функции обычный человек классифицирует вещи» [Перезовова 2005: 413]. Следовательно, значительная часть вещественных существи-

тельных именует то, что может быть использовано в чисто утилитарном отношении: съедено, выпито, применено для изготовления других полезных предметов, для строительства и т.п. Ср. ряд примеров: *Стены и пол были из железа* (В. Попов. Южнее, чем прежде); *Курицы действительно не было, но были горячие щи из свежего мяса...* да еще *пироги с капустой и творогом* (В. Попов. Поиски корня); *Накинув фланелевые пижамы, пили кофе, шоколад, какао* (И. Бунин. Господин из Сан-Франциско); *Над диваном висела огромная картина маслом, освещенная двумя электрическими бра* (К. Вагинов. Бамбочада); *Успокоиться изволь ты: Сплошь одни каракули* Здесь отпущены на полаты, Ай, люли (Г. Оболдуев. Вариации). В лингвистической литературе отмечается особый рост в языке количественных существительных в последние десятилетия, вызванный развитием науки (химии, фармакологии): человек создает для себя новые полезные вещества, и их названия входят в язык (ср., например [Шанский, Тихонов 1981: 77]).

Традиционная грамматика рекомендует употреблять вещественные существительные только в единственном числе, хотя допускает употребление множественного числа от вещественных существительных в тех случаях, когда их значение конкретизируется и они обозначают: 1) сорта или виды вещества (*грузинские вина, лечебные грязи*), 2) изделия из данного вещества (*ходить в бархатах, есть на хрусталях*), 3) большое пространство, покрытое веществом (*льды Арктики, пески Сахары*) [Современный русский язык 2003: 398–399]. По мнению многих лингвистов, в современной речи эти случаи должны рассматриваться уже не как исключения, а как норма, ввиду того что конкретизированные формы множественного числа от вещественных имен получили сегодня крайне широкое распространение. Ср., например [Брусенская 1994; Валгина 2001; Граудина 1980; Калинина 2004; 2005; 2006]. Поэтому грамматический признак этих существительных (употребление в форме единственного числа) уже не может считаться определяющим, в то время как их когнитивно-семантическая природа остается неизменной.

Собирательные существительные, согласно традиционным определениям, называют «совокупность однородных предметов или лиц как единое целое» [Современный русский литературный язык 2003: 370]; ср. также [Рахманова, Суздальцева 2003: 264; Камынина 1999: 40] и употребляются в единственном числе. Данное определение не дает однозначного представления о собирательности. При таком подходе так и остается нерешенным вопрос о словах типа *толпа, стадо, группа*, которые ряд исследователей (А.А. Шахматов, А.Н. Гвоздев, Е.П. Калечиц) также «по чисто смысловым основаниям» [Гвоздев 1958: 145] относит к собирательным. Ср. рассуждения Е.П. Калечиц: «Сомнения, относить ли их к собирательным или не относить, могут возникнуть не потому, что они имеют форму множественного числа или сочетаются с числительными, а потому, что они занимают промежуточное положение между собирательными существительными и неопределенно-счетными словами: это слова, которые сами используются как единицы измерения, но неразрывно связаны с представлением о совокупности... Значение совокупности существительных *полк, труппа, комиссия, стая* и т.п. вполне естественно вводит их в разряд собирательных существительных» [Калечиц 1977: 59–60].

Как нам кажется, разрешить существующие сомнения можно было бы, уточнив определение собирательных существительных с когнитивно-прагматической точки зрения, указав на то, что собирательные имена используются при необходимости назвать только такую совокупность предметов, которая приобретает новое качество по сравнению как с отдельным предметом, так и с раздельным множеством предметов этого класса (*посуда, студенчество, зверье, мебель, молодежь*). Ср. остроумное замечание В.А. Плунгяна: «...три стакана – это еще не посуда, пять студентов – еще не студенчество» [Плунгян 2000: 279]. По словам В.И. Дегтярева, «собирательность – это совокупное множество однородных предметов, мыслимое материально-качественно, безотносительно к его количественному содержанию» [Дегтярев 1982: 56]. Поэтому указание на то, что собирательные существительные, в отличие от вещественных, называют «объединения отдельных экземпляров, допускающих счет» [Гвоздев 1958: 144],

представляется нерелевантным: зачем считать студентов в студенчестве, если это не важно для идеи собирательности? Важным является другое: собирательность предполагает такое сущностное, значимое качество, которое отличает данный класс от объектов другого класса. Ср. об этом у А.А. Холодовича: «Каждое множество – это особая единица, особая индивидуальность» [Холодович 1979: 190]. Очевидно, назначение собирательных существительных изначально было в том, чтобы отличить, «кто с кем одной крови», отличить классы объектов друг от друга. Это значит, что категория собирательности находится на ином, более высоком уровне абстракции по сравнению с названиями конкретных предметов. Вот как это показывает Дж. Лакофф: «Например, мы имеем ментальные образы стульев – абстрактные образы, которые не соответствуют какому-либо отдельному стулу... Но когда мы переходим от категории базового уровня *стул* к вышестоящей категории *мебель*, ситуация меняется. У нас нет абстрактных ментальных образов предметов мебели, которые бы не были образами объектов базового уровня, таких, как стул, стол, кровать и т.д. Попробуйте представить предмет мебели, который бы выглядел не как стул, стол, кровать и т.д., но как нечто более абстрактное. Очевидно, что это невозможно» [Лакофф 2004: 78]. Если подойти с этой точки зрения к словам типа *толпа*, *стадо*, *полк*, *отряд*, *табун*, *группа*, то их «ментальный образ» вполне можно представить, потому что они характеризуют совокупность лишь количественно, без перехода «количества в качество»: *толпа*, *отряд*, *полк*, *группа* – это определенное количество *людей*, а ментальный образ человека есть у каждого; *табун*, *стадо*, *стая* – это определенное количество *животных* (лошадей, коров, волков), и эти образы также существуют в нашем сознании. Поэтому рассматриваемые слова целесообразно признать конкретными, ср.: *солдат* – *солдаты*, *полк солдат*; *лошадь* – *лошади*, *табун лошадей*. Значимым остается и то, что слова типа *толпа*, *стадо*, *полк*, *отряд* называют «такие совокупности, которые имеют место наряду с другими такими же совокупностями, а потому могут быть сосчитанными» [Современный русский литературный язык 2003: 371].

В смысловом отношении качественное отличие собирательности от простой множественности подчеркивается также тем, что собирательные существительные нередко приобретают оценочное значение (чаще отрицательное), не свойственное соответствующим конкретным существительным. Ср.: *вороны* (не содержит оценки в прямом значении) и *воронье* (с коннотациями 'черное', 'крикливое', 'летает тучами', 'не к добру'); *солдаты* (нейтральное) и *солдатня* ('грубая', 'неотесанная'). Как отмечают И.А. Букринская и О.Е. Кармакова, «многие собирательные существительные эмоционально окрашены, они передают отношение к данному классу предметов, актуализируя набор признаков, присущих именно этому классу» [Букринская, Кармакова 2003: 413]. Наш материал подтверждает наблюдения И.А. Букринской и О.Е. Кармаковой. Ср., например: *люди* (как простое увеличение количества объектов) и *человечество* ('все, когда-либо жившие или живущие на Земле люди', 'обобщенный носитель всех лучших черт, какие могут присутствовать в человеке'). 1) *Легко представить себе какой-нибудь день во Флоренции или в Венеции в очень давнюю эпоху. Лето, синева неба, золото соборов, статуи... Менялы, солдаты, торговцы, ремесленники, дети, женщины с золотыми сеточками в прическе. Словом – люди, те же люди, ничем не отличающиеся от нас, такие же люди на паре ног, с парой глаз, с парой рук, с соринками, влетающими в ветреный день в глаз* (Ю. Олеся. Ни дня без строчки). 2) *Осенью сорок первого выходили они из окружения на Смоленщине, двенадцать человек, все из разных частей, до этой поры не знавшие друг друга. И вот эти двенадцать человек – понял тогда Николай Иванович, почувствовал это – и есть человечество... Двенадцать человек, которых вел он из окружения, веривших ему, и были – человечество* (Г. Бакланов. Свет вечерний). В первом из приведенных примеров подчеркивается тождество объектов (людей) друг другу («те же люди, ничем не отличающиеся от нас, такие же люди на паре ног, с парой глаз, с парой рук...»), их разъединенное множество, в котором четко выделяются отдельные его составляющие (*менялы, солдаты, торговцы, ремесленники, дети, женщины*), поэтому используется обычная форма множественного числа конкретного су-

существительного. Во втором примере подчеркивается качественное отличие, качественное изменение, происшедшее с совокупностью объектов (людей) – они стали восприниматься не просто как разрозненные «люди с парой глаз, с парой рук», а стали олицетворять собою человечество как весь человеческий род в целом, добрые свойства и природу людей вообще. Поэтому для обозначения таких объектов выбирается уже не форма множественного числа (*люди*), а собирательное существительное (*человечество*). Собирательные объекты, как видим, приобретают в своей совокупности новую значимость по сравнению с конкретными, и именно в выражении этой новой значимости и состоит их предназначение.

Собирательные существительные составляют, по словам Л.А. Брусенской, «самую стойкую сингулярную группу среди неконкретных существительных» [Брусенская 1994: 22]. Тем не менее в современной речи встречаются случаи конкретизации и последующей плюрализации собирательных существительных. Прежде всего следует отметить случаи метонимии, когда название совокупности переносится на отдельные предметы, составляющие эту совокупность. Ср., например: *Кое-как расставив тяжелые мебели быта, математики усаживаются на них вычислять* (А. Белый. На рубеже двух столетий) – то есть «предметы мебели»; *Мы не встречались в Латинской Америке с какими-то особенно убийными москитами и гнусами* (Комсомольская правда. 20 октября 2001) – то есть «с представителями гнуса»; *Граненый столбик. Простачок. Среди других посуды Он тем хорош, что одинок. Такой простой сосуд* (А. Кушнер. Стакан) – то есть «среди других предметов посуды». Этот факт говорит о том, что грамматические приметы собирательных существительных могут изменяться, но их категориальное значение, их когнитивные характеристики такому изменению не подвержены.

Следовательно, собирательными следует признавать в первую очередь те слова/понятия, которые объединяют предметы в совокупности на основе найденного человеком и важного для него категориального признака качественно нового, более высокого уровня, и которые трудно представить в виде определенного «ментального образа». Ср. также замечания о выделении центра и периферии в разряде собирательных существительных в работе [Букринская, Кармакова 2003].

Абстрактные существительные находятся в наиболее сложных, противоречивых отношениях с конкретными именами. Абстрактное – это противоположность конкретному, хотя исторически, как пишет В.И. Дегтярев, «отвлеченность... формируется на основе конкретности... Абстрагирование совершается на базе слова путем дифференциации смыслов, обобщения семантики, преодоления многозначности и семантической дробности, изменения предметно-логического содержания» [Дегтярев 1982: 283–284]. Яркий пример того, как на базе конкретного понятия могло возникнуть абстрактное, находим у Р. Киплинга, который рассказывает древнеиндийскую легенду о том, «как Страх пришел в джунгли», вкладывая ее в уста слона Хатхи. Ср.: «...буйволы принесли весть, что в одной пещере в джунглях сидит **Страх**, что он безволосый и ходит на задних лапах. Тогда все мы пошли за стадом буйволов к этой пещере, и **Страх** стоял там у входа... Увидев нас, он крикнул, и его голос вселил в нас тот **страх**, который мы знаем теперь» (Р. Киплинг. Маугли).

Когнитивно-прагматическая значимость абстрактных существительных состоит в том, чтобы дать имя нематериальным сущностям, в частности назвать: а) отвлеченный признак, присущий разным объектам действительности (*быстрота* лошади, бега, танца, мысли, реакции); б) отвлеченное действие, которое может совершаться разными деятелями или производиться над разными объектами (*чтение* мамы, артиста, учителя; *чтение* книги, газеты, лекции); в) отвлеченное состояние или чувство, которое может возникать в разных ситуациях (*затишье* перед бурей, в перестрелке, в отношениях; *любовь* к матери, сыну, Родине); г) отвлеченное понятие, которое существует только в человеческом сознании и которое нельзя представить наглядно (*философия*, *справедливость*, *совесть*). Ср.: *Есть диковинные слова, которые обозначают вещи, не существующие в природе, например, **суть*** (В. Пьецух. Предсказание будущего). Ср. в

связи с этим разделение абстрактных существительных на отвлеченные и собственно абстрактные в работе [Чернейко 1997].

Абстрактные понятия и категории сами по себе не удовлетворяют мыслительных и духовных потребностей человека. Все абстрактное в широком смысле в реальной жизни оценивается человеком как нечто неорганизованное, аморфное, не имеющее четкого содержания и потому раздражающее, бесполезное, мертвое. Ср. некоторые примеры из художественной литературы, иллюстрирующие эту особенность отношения человека к абстрактному: *На мой взгляд, – сказал я, – основная масса наших ошибок заключается в склонности к обобщениям* (В. Пьецух. Предсказание будущего); *Лев Михайлович, при всей широте взглядов... тем не менее никогда не понимал и не любил абстракций* (М. Рощин. Синдром Сушкина); *Страх перед реальным мужем всегда оказывается сильнее, нежели перед абстрактным, о котором говорят “мой идиот”* (М. Рощин. Южная ветка); *Поругали профессора теормеха и заодно сам теормех, потому что в жизни таких абстракций не существует* (И. Грекова. Вдовий пароход); *Уходящие вещи оставляли умирающему свои имена. В мире было яблоко. Оно блистало в листе, легонько вращалось, схватывало и поворачивало с собой куски дня, голубизну сада, переплет окна... В яблоке таилось множество причин, могущее вызвать еще большее множество следствий. Но ни одна из этих причин не предназначалась для Пономарева. Яблоко стало для него абстракцией... И то, что плоть вещи исчезала от него, а абстракция оставалась – было для него мучительно* (Ю. Олеша. Лиомпа).

В речи, как мы уже отмечали, абстрактные существительные часто тем или иным образом конкретизируются, что ведет к появлению переходных случаев, требующих особой лексико-грамматической характеристики. Конкретизация абстрактных существительных в настоящее время активно изучается. В частности выделяются особые типы контекстов, в которых такая конкретизация совершается чаще всего и в которых формы множественного числа абстрактных существительных воспринимаются как закономерные. Ср., например [Брусенская 1987; 1994; Калинина 1999; Озерова 1987; Яцкевич 1981]. Абстрактные существительные из всех так называемых *singularia tantum* наиболее склонны к конкретизации, поэтому для них грамматическое правило об употреблении в форме только единственного числа уже практически не соблюдается. Поэтому и необходимо при классификации существительных обращать внимание на их семантику и когнитивно-прагматическую предназначенность.

Существование разнообразных семантических пересечений приводит к необходимости выделять в рамках каждого разряда центр и периферию, то есть случаи бесспорной лексико-грамматической принадлежности и случаи, допускающие неоднозначное толкование. В настоящей статье мы попытались показать, какие существительные в каждом из разрядов можно отнести к «центру», если традиционные семантические определения подкрепить когнитивно-прагматическими основаниями. Наши выводы состоят в следующем.

Лексико-грамматические разряды существительных – это прагматически необходимое человеку языковое средство характеристики объектов действительности, средство структурирования окружающего мира. Каждый разряд выполняет в языке свое предназначение, каждый отражает какую-то сторону языковой картины мира человека. *Конкретные существительные* называют самоценные в человеческом представлении объекты, то есть объекты, значимые для человека даже в одном отдельном экземпляре. *Вещественные существительные* называют материю, из которой изначально состоит или создается объект (и его детали) и которая нужна для дальнейшего продления его бытия, а также отходы существования объекта. *Собирательные существительные* называют объекты, значимые только в своей совокупности, приобретающие в этой совокупности новое качество. *Абстрактные существительные* представляют собой имена нематериальных сущностей (идей), важные для обеспечения интеллектуально-духовной жизни человека.

Таким образом, когнитивно-прагматический подход к классификации субстантивных имен, то есть учет того, как человек воспринимает и классифицирует внеязыковые объ-

екты, помогает понять, для чего в языке существует каждый из лексико-грамматических разрядов. Это в свою очередь ведет к уточнению семантических оснований классификации существительных по данным разрядам. Поскольку содержание и форма, означаемое и означающее – это две взаимообусловленные и взаимосвязанные стороны языкового знака, то уточнение семантического критерия классификации придаст большую объяснительную силу и грамматическим критериям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева 1977 – Э.В. Алексеева. О морфологической структуре имен существительных с суффиксом *-ств(о)* // ФН. 1977. № 3.
- Арутюнова 1999 – Н.Д. Арутюнова. Логико-коммуникативная функция и значение слова // Н.Д. Арутюнова. Язык и мир человека. М., 1999.
- Безман 2001 – Е.В. Безман. Философские истоки синкретизма как древнерусского языкового явления // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина. Сборник статей по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию проф. Б.Н. Головина. Нижний Новгород, 2001.
- Безрукова 1990 – А.А. Безрукова. Существительные с графическими финалями *-ие*, *-ье* (словообразовательный, семантический и нормативный аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990.
- Бенвенист 1974 – Э. Бенвенист. Категории мышления и категории языка // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Большой толковый словарь русских существительных 2005 – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2005.
- Бондаренко 1991 – М.Г. Бондаренко. Множественное поэтическое: Функциональный и сущностный аспекты (На материале русской поэзии 1-й трети XX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1991.
- Бондарко 1976 – А.В. Бондарко. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Брусенская 1987 – Л.А. Брусенская. Множественное число отвлеченных существительных и норма // РЯШ. 1987. № 6.
- Брусенская 1994 – Л.А. Брусенская. Семантический и функциональный аспекты интерпретации категории числа в русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 1994.
- Букринская, Кармакова 2003 – И.А. Букринская, О.Е. Кармакова. О категории собирательности в литературном языке и русских говорах // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей. М., 2003.
- Валгина 2001 – Н.С. Валгина. Активные процессы в современном русском языке: Уч. пособие для студентов вузов. М., 2001.
- Васильев 2006 – Л.М. Васильев. Когнитивные, семантические и грамматические категории языка // Л.М. Васильев. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. Уфа, 2006.
- Виноградов 1938 – В.В. Виноградов. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. 2. М., 1938.
- Винокур 1991 – Г.О. Винокур. О языке художественной литературы. М., 1991.
- Гаглюева 1993 – Э.Х. Гаглюева. Новообразования с суффиксом «ация» в современном русском языке // Структурно-семантический и функционально-стилистический анализ единиц русского языка. Тула, 1993.
- Гвоздев 1958 – А.Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1958.
- Грамматика русского языка 1953 – Грамматика русского языка: В 2-х томах. Т. 1. М., 1953.
- Граудина 1980 – Л.К. Граудина. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М., 1980.
- Даниленко 1977 – В.П. Даниленко. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.
- Дегтярев 1982 – В.И. Дегтярев. Категория числа в славянских языках. Ростов, 1982.
- Зализняк 1967 – А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Земская 1992 – Е.А. Земская. Словообразование как деятельность. М., 1992.

- Золотова 1982 – Г.А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова и др. 1998 – Г.А. Золотова, Н.К. Ониненко, М.Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Кадькалов 1966 – Ю.Г. Кадькалов. О значении и употреблении однокоренных имен существительных с суффиксами *-ость* и *-ие* // РЯШ. 1966. № 5.
- Калечиц 1977 – Е.П. Калечиц. Переходные явления в области частей речи. Уч. пособие по спецкурсу. Свердловск, 1977.
- Калинина 1999 – Л.В. Калинина. Семантика и функционирование абстрактных существительных в форме множественного числа в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Киров, 1999.
- Калинина 2001а – Л.В. Калинина. К проблеме жанрово-стилевой обусловленности форм абстрактных существительных множественного числа // Научный вестник Кировского филиала Московского государственного экономического ин-та. № 9. Т. 2. Киров, 2001.
- Калинина 2001б – Л.В. Калинина. О разной лексико-грамматической принадлежности лексико-семантических вариантов существительного // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина. Сборник статей по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию проф. Б.Н. Головина. Нижний Новгород, 2001.
- Калинина 2001в – Л.В. Калинина. О влиянии процесса метонимии на возможность сочетания существительных *singularia tantum* с количественными определителями // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Сборник статей по материалам междунар. науч. конф. Владимир, 2001.
- Калинина 2003 – Л.В. Калинина. «Мешок визга», или Метафора как средство квантификации анумеральных существительных // Актуальные проблемы современной филологии. Языкознание. Сборник статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 1. Киров, 2003.
- Калинина 2004 – Л.В. Калинина. К вопросу о квантификации анумеральных существительных // Семантика. Функционирование. Текст. Межвуз. сборник науч. трудов. Киров, 2004.
- Калинина 2005 – Л.В. Калинина. От единства к единице // Вестник Вятского гос. гуманитар. ун-та. Науч.-метод. журнал. Киров, 2005. № 12.
- Калинина 2006 – Л.В. Калинина. К вопросу о синтаксическом употреблении вещественных и собирательных существительных // Семантика. Функционирование. Текст. Межвуз. сборник науч. трудов. Киров, 2006.
- Камынина 1999 – А.А. Камынина. Современный русский язык. Морфология. М., 1999.
- Колшанский 1990 – В.Г. Колшанский. Объективная картина мира в познании и в языке. М., 1990.
- Комарова 1988 – Н.Ю. Комарова. Стилистически направленное изучение категории числа существительного в курсе современного русского языка // РЯШ. 1988. № 6.
- Красильникова 1990 – Е.В. Красильникова. Имя существительное в разговорной речи. Функциональный аспект. М., 1990.
- Крысин 2005 – Л.П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005.
- Кубрякова 1996 – Е.С. Кубрякова. Когнитивный взгляд на природу частей речи // Словарь. Грамматика. Текст. Сборник статей. М., 1996.
- Лакофф 2004 – Дж. Лакофф. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Лукин 1990 – В.А. Лукин. Семантические примитивы русского языка. Основы теории. М., 1990.
- Мирошникова 2004 – З.А. Мирошникова. Когнитивно-функциональные особенности отвлеченных имен действия // Русский язык и славистика в наши дни. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения Н.А. Кондрашова. М., 2004.
- Озерова 1987 – Н.Г. Озерова. Многозначность существительного и его грамматическая характеристика // ВЯ. 1987. № 5.
- Олянич 2003 – А.В. Олянич. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики) // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник науч. трудов. М., 2003.
- Перезовова 2005 – Ю.Е. Перезовова. Категоризация естественных объектов и ее отражение в категоризации лексических единиц // Реальность, язык и сознание. Междунар. межвуз. сборник науч. трудов. Тамбов, 2005.
- Пименова 2001 – М.В. Пименова. Трансформация семантического синкретизма // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина. Сборник статей по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию проф. Б.Н. Головина. Нижний Новгород, 2001.

- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Потебня 1958 – А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
- Потебня 1999 – А.А. Потебня. Мысль и язык. М., 1999.
- Рахилина 2000 – Е.В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Рахманова, Суздальцева 2003 – Л.И. Рахманова, В.Н. Суздальцева. Современный русский язык. М., 2003.
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика: В 2-х томах. Т. 1. М., 1980.
- Русский семантический словарь 1998 – Русский семантический словарь / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1998.
- Сергеев 1996 – В.А. Сергеев. Категория количества и особенности ее выражения в языке публицистики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- Современный русский литературный язык 2003 – Современный русский литературный язык / Под ред. В.Г. Костомарова и В.И. Максимова. М., 2003.
- Современный русский язык 2003 – Современный русский язык / Под общ. ред. Л.А. Новикова. М., 2003.
- Современный русский язык 2004 – Современный русский язык / Под ред. Е.Ю. Кузнецовой. М., 2004.
- Холодович 1979 – А.А. Холодович. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Чернейко 1997 – Л.О. Чернейко. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Чернова 2001 – С.В. Чернова. О терминологическом и нетерминологическом употреблении слов *прагматизм, прагматика, прагматик, прагматичный* // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина. Сборник статей по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию проф. Б.Н. Головина. Нижний Новгород, 2001.
- Шанский, Тихонов 1981 – Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. Современный русский язык: В 3-х томах. Ч. 2. М., 1981.
- Яцкевич 1981 – Л.Г. Яцкевич. О семантической и функциональной неоднородности форм числа существительных в речи // Грамматическая семантика языковых единиц. Вологда, 1981.